

ДЕТИ ВОЙНЫ. БЛОКАДНЫЙ РЕБЁНОК ЛЮДОЧКА ЮХНЕВИЧ

80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне посвящается!

Автор: Наталья Морсова

Людмила Ивановна Тервонен, детский врач, поэт, журналист, общественный деятель, руководитель общества ленинградских блокадников в городе Сортавала республика Карелия.

Люля Юхневич
1952г.

Люля и Боря
1952г.

Эвакуация детей из Ленинграда. Фото 1941 год

Фото 1941 год

Памятник блокадным детям

Время не властно над памятью. Вечная память безвременно ушедшим - погибшим в сражениях и умершим от голода и ран в блокадном аду! И пусть невинные души детей яркими звёздочками вечно горят в небесах!

*Есть у сердца святые печали,
Их на радости не разменять:
Как в блокадном кольце голодали,
Обречённые умирать;
Как безжалостно смерть косила
Молодых, стариков и детей;
Как, теряя последние силы,
Шили саван для близких людей.
Как заснеженный город спасая,
Сотни тысяч погибли солдат;
К нашей памяти тихо взывая,
Обелиски повсюду стоят.
Эту память живую, мы знаем,
Никогда никому не отнять!
Мы её, как священное знамя,
Нашим внукам должны передать.*

Людмила Тервонен

Людочка Юхневич родилась в 1938 году в Ленинграде в большом красивом доме на проспекте Села Смоленского Володарского района. Мама

девочки Елизавета Устиновна происходила из многодетной семьи сибирских крестьян. По приезде в Ленинград окончила курсы и работала оператором на железнодорожной станции, а затем освоила бухгалтерское дело. Отец Иван Борисович – коренной ленинградец, работал инженером – строителем. Счастливый папаша был так рад рождению дочери, что сделал любимой супруге дорогой подарок – беличью шубку, шапочку и муфту. Эту шубку Елизавета Устиновна не продала даже в тяжёлые годы блокады, увезла с собой в Сибирь и носила ещё долго после войны.

Война застала Людочку и её братика на загородном хуторе у деда Бориса, куда летом съезжалась многочисленная родня. Всей семьёй вместе с бабушкой они заторопились в город, чтобы лихолетье встретить в родном доме. Восьмого сентября 1941 года блокадное кольцо сомкнулось, связь осаждённого города с внешним миром прекратилась. Брат матери Иван сделал печурку – буржуйку, возле которой проходила вся блокадная жизнь. Елизавета Устиновна стала работать кипяtilьщицей, получала по рабочей карточке 250 гр. хлеба. Женщина вставала затемно и на саночках везла с Невы две кадushки воды, кипятила её в титане и разливала жильцам дома по два литра в сутки. Дрова заготавливала, как могла: отрывала доски от сараев, заборов, ломала мебель. Зачастую она поднималась в квартиры, в которых жильцы не состоянии были двигаться, и разносила горячую воду.

Дети мало двигались, а больше лежали, заботливо укрытые матерью. –«И всё равно было нестерпимо холодно из-за отсутствия тепла и от голода. И только обжигающий глоток воды на некоторое время возвращал к жизни», - вспоминает Людмила Ивановна. В январскую стужу девочка встретила своё четырёхлетие. На праздничном столе – всё те же кусочки хлеба и кружки с кипятком. «Настоящий праздник состоялся тогда, когда отец привёз с линии фронта кусок мороженой конины. Бабушка накрутила котлет и пожарила их на воде. Мясной аромат щекотал ноздри оставшихся в живых жильцов дома. К квартире подползали люди, бабушка каждого угостила котлеткой». В первый год блокады семья отметила новогодний праздник. На ёлочной ветке висели довоенные орехи, обёрнутые золотистыми фантиками, и засушенные конфеты. Вскоре от этой «роскоши» ничего не осталось.

Отец, работавший на строительстве госпиталей, больниц и оборонительных сооружений, отдавал свой хлеб семье и таял на глазах. Весной 1942 года он слёг и умер от истощения в новой больнице, которую сам проектировал. Ушёл на фронт и дядя Иван. Мать металась в поисках дополнительной работы и пайки хлеба. Скучного питания не хватало, голод брал своё. Понимая, что выжить в экстремальных условиях осады города семья не сможет, Елизавета Устиновна в августе сорок второго получила разрешение на эвакуацию в Сибирь. Путь предстоял нелёгкий и долгий, – сначала под обстрелом вражеских самолётов на катере «Дорогой жизни» по Ладожскому озеру. Под прикрытием авиации успешно добрались до берега, но не всем катерам удалось увернуться от бомбардировки. Людмила Ивановна пишет:

*Смутно, но помню блокадные дни.
Город за шторами прятал огни.
Тень дирижабля плыла над Невой.
Пламя пожарниц стояло стеной.
Голос сирены протяжно звучал.
Бомбоубежища тёмный подвал.
Голод и крохотный хлеба кусок,
Да кипятка обжигавший глоток.
Пламя копилки, буржуйки тепло...
Смерть миновала, нас чудо спасло.
Был через Ладогу страшный бросок.
Волны трепали наш катерок.
Небо гудело – шёл яростный бой.
Лётчики нас прикрывали собой.
Ужас бомбёжки, брата нитьё,
Бабушки руки, молитвы её...*

Людмила Ивановна помнит, как после переправы на берегу их кормили вкусной едой: супом с конским мясом, кашей с маслом и сухарями с чаем. Но мама не позволила детям есть досыта, она знала, что ослабленный голодом организм обилие пищи не выдержит. И действительно, с миской в руках многие умирали. А потом началась изнурительная дорога по железной дороге в переполненных товарных вагонах, в которых раньше возили скот. Путь был мучительным и долгим, было холодно и голодно, умерших снимали на каждой станции. Семья обосновалась в Курганской области. Мать работала бухгалтером, по карточке на ребёнка давали всё те же 150 гр. хлеба в день, на взрослого - 300, голод продолжался и здесь. И тогда Елизавета Устиновна продала ценные вещи, привезённые из Ленинграда, выменяла их на пуд соли, которая была большой редкостью, за что колхоз предоставил ей тощую корову. На свежем воздухе и молочке детишки поправились и быстро набрались силёнок.

Людмила Ивановна называет ангелами – хранителями матерей блокадных ребятишек: «Мамы делились с нами скудным пайком блокадного хлеба, заслоняли собой во время налёта вражеской авиации и артиллерийских обстрелов. Материнская любовь жертвенна и беззаветна».

После снятия блокады ленинградцы заторопились домой. Стали собираться и Юхневичи, но получили отказ: - жилья не было, дома разрушены. И тогда с любимой коровой и сеном в товарном вагоне семья прибыла в Выборг к брату Ивану, вернувшемуся с фронта после ранения. Здесь корову продали и купили большую комнату в старом финском доме и швейную машинку, чтобы подрабатывать шитьём, помимо основной работы на железной дороге. «Машинка стучала постоянно, когда я ложилась спать и когда вставала», - рассказывает Людмила Ивановна. Она вспоминает, что

«есть хотелось всегда, посуду можно было не мыть: мы с братом лизали сковородки после картошки, жареной на воде, и кастрюли после каши». Людочка с братом отвечали за отоваривание хлебных карточек и очень боялись их потерять. И однажды потеряли, спрятав, неизвестно куда. Семья с трудом пережила трагедию. Нашли пропажу уже после отмены карточной системы в 1947 году. Хлеба теперь ели вдоволь, хотя ещё долгие годы хотелось есть.

*Мы дети войны, не знали отцов,
Ни цвета их глаз, ни голосов.
Мы – безотцовщина, ласки не знали,
Так же, как матери, молча страдали.*

*Вечно голодные, летом босые.
Осенью жёлуди грызли сырые,
Кашу варили всегда на воде.
Хлеба хотелось, но к страшной беде,
Хлебные карточки часто теряли,
Плакали горько и голодали.*

*Помню, как карточки отменили, –
Хлеб и батоны охавкой носили.
Дети гуляли тогда во дворах,
Хлеба кусочки зажаты в руках.*

Несмотря на голод и неустроенность жизни, Людмила успешно закончила школу, а затем Ленинградский педиатрический медицинский институт. И всегда писала стихи. Блокадная поэзия Тервонен Л.И. правдива, полна душевной боли и мудрости. В них слышится тревожный стук метронома: тревога, тревога... И призыв к вечной памяти о жертвах блокады:

*...Долг перед павшими, живыми,
Кто защищал наш Ленинград;
Долг перед близкими, родными,
Чьи души с нами говорят...*

Работать детским врачом Людмила Ивановна приехала в Сортавала, - уютный городок, что стоит на живописном Ладожском озере, когда-то подарившем второе рождение ей и тысячам других блокадников. Как врача, её интересовало, почему блокада породила так много неординарных, талантливых, творческих личностей. И пришла к выводу, что это связано с необходимостью проявлять невероятной силы волю, выдержку, терпение, что привело к максимальному раскрытию резервов детского организма.

Людмила Ивановна трепетно и нежно поклоняется любимой Ладоге:

*Я поклоняюсь Ладоге Могучей;
Её волне, то плавной, то кипучей,
Когда её тяжёлый вал
Дробится, пенится меж скал ...*

*Или:
Туман пуховым одеялом
Прилёг на ладожские скалы,
Закрыв надёжно небеса;
Вблизи темнеют лишь леса...*

Лирика Людмилы Ивановны элегантная, чувственная, изящная, мелодичная, полная света, чистоты и счастья бытия; метафоры хрупкие, издающие хрустальный звон.

Вот ещё одно, убитое войной детство ленинградских ребятишек, когда безоблачное небо в одночасье стало облачным и грозовым с бомбами и пожарами, ранениями, болезнями, гибелью близких людей, изнурительным голодом и мучительным умиранием.

Из истории блокады: 8 сентября 1941 года сомкнулось кольцо вражеских армий вокруг Ленинграда. Начался отсчет 900 блокадных дней. В наступлении на Ленинград участвовали не только крупные соединения немецких войск, на стороне врага воевала финская армия, Голубая дивизия испанских войск, добровольцы из Северной Африки и Европы, военно-морские силы Италии. Прервалось сухопутное сообщение, поставки продовольствия прекратились, Ленинград оказался полностью оторванным от всей страны. В городе оставалось около трех миллионов человек, в том числе около 400 тысяч детей. Вражеская авиация сбросила на Ленинград тысячи зажигательных бомб с целью вызвать массовые пожары, десятого сентября 1941 года фашисты разбомбили Бадаевские склады. Пожар был грандиозным, тысячи тонн продуктов сгорели, расплавленный сахар растекался, впитываясь в землю. Люди ковшами и ведрами собирали сладкую землю, отстаивали её в воде - эта было последнее воспоминание о сладком. В городе начался голод. Блокада была сознательно нацелена на полное вымирание населения. Именно голод определял судьбу ленинградцев.

От пайка хлеба в 125 граммов зависела человеческая жизнь, да и не был он вовсе хлебом, а липким месивом, сделанным из мучных отходов, ржаной муки в нём было немного, основу составляли жмых, соя, целлюлоза, отруби, обойная пыль, хвоя, лебеда. Вместо ржаной зачастую клали овсяную, ячменную, кукурузную, соевую муку, лузгу. По льду Ладожского озера – по «Дороге жизни», в город шли обозы с хлебом – сани и полуторки. Фашисты нещадно решетили лёд. Когда тонули машины, ночью, в затишье между

бомбёжками, крючьями на верёвках поднимали мешки, мука превращалась в корку, из неё пекли хлеб. Форму для выпечки смазывали соляркой. Есть эту липкую массу было невозможно, но ничего дороже для ленинградцев не было. Отчаявшиеся блокадники готовили себе котлеты из газетной бумаги, листовок и прокламаций советских и немецких вперемежку со жмыхом. Плитка столярного клея напоминала шоколадку. Готовое варево разливали по тарелкам, и получалось красивое желе янтарного цвета. Но уже на другой день всё тело скручивало от боли. Варили всё, что попадалось под руки: кожаные ремни, перчатки, голенища сапог...

Цена блокадного хлеба равнялась цене человеческой жизни. Эвакуация на Большую землю осуществлялась по воздуху и «Дорогой жизни» по легендарному Ладожскому озеру. В память о героическом озере, связавшем Ленинград со страной, названа малая планета «Ладога», открытая в 1968 году учёным Т.Н.Смирновой.

Блокадники - обыкновенные люди - мужчины, женщины, дети вошли в бессмертие, потому что сопротивлялись смерти, вопреки обстоятельствам и условиям, которых до сих пор не знала история.

Бойцы Ленинградского фронта несли все те же тяготы голода и лишений; их дневная норма хлеба составляла 400-500 граммов. Кроме хлеба – ничего. Не имея сил прорвать блокаду, они не пустили фашистов в город и не позволили им снять войска из-под Ленинграда на другие фронты. 27 января 1944 года блокада Ленинграда была снята!

Автор очерка и Тервонен Людмила Ивановна